

*Подготовила Россинская Светлана Владимировна,
гл. библиотекарь библиотеки «Фолиант»
МБУК «Тольяттинская библиотечная корпорация»*

Королева триллера Мэри Хиггинс Кларк: А что, если...

Литературное расследование к 24 декабря - 85-летию юбилею американской писательницы

Судьба американской писательницы **Мэри Хиггинс Кларк**, автора сорока двух международных бестселлеров в жанре триллер и книг для детей, яркий пример того, чего может добиться в жизни настойчивый человек.

Настоящее ее имя - **Мэри Тереза Эленор Хиггинс Кларк Конhini**.

Двадцать лет ждала Мэри своей первой публикации, получила шестьдесят (!) отказов. За это время можно было растерять весь энтузиазм... Почему те же самые рассказы, которые до этого упорно отвергались, журналы стали охотно принимать спустя двадцать лет? Где вершатся судьбы писателей?

Первый роман Мэри Кларк - биография Джорджа Вашингтона - оказался неудачным, а поворотным моментом в творчестве стала вторая книга - *«Где же дети?»*. Она построена на реальных событиях - судебном процессе по обвинению официантки Алис Кримминс в убийстве детей. Книга стала бестселлером, и все последующие произведения Мэри Кларк неизменно возглавляли списки продаж.

Есть несколько вещей, которые вы никогда не найдете в романах и женских детективах Мэри Хиггинс Кларк: мужчину и женщину, которые живут в гражданском браке, нецензурные слова и расчлененное на куски тело.

По сегодняшним стандартам, триллеры миссис Кларк немного старомодны. Они больше напоминают стиль **Агаты Кристи**, чем чудовищные и щекочущие нервы произведения, выпускаемые такими знаменитыми авторами, как **Джеймс Паттерсон** и **Стиг Ларссон**.

Почему же Мэри Хиггинс Кларк, которая в таком почтенном возрасте умудряется писать по книге в год, остается прибыльным брендом? Ее триллеры в стиле саспенс с элементами романтизма и готики только в США расходятся 100 миллионными тиражами. Каждый год ее новеллы, которые публикуются в 34-х странах, продаются общим числом в 3,7 миллиона копий. Почему миссис Кларк является одной из самых продающихся писательниц? Это уже несколько раз подтверждали ее издатели.

Сегодня, в канун своего 85-тилетие юбилея, Мэри Хиггинс Кларк энергична, как всегда. Что помогает ей двигаться дальше?

Давайте вместе с читателями **библиотеки «Фолиант» МБУК ТБК** и активистами ее **Литературного клуба «Прикосновение»** попробуем чуть ближе прикоснуться к биографии одной из самых известных пишущих женщин мира.

Итак...

Метод мистера Моури

- Ну что теперь, миссис Хиггинс Кларк? - насмешливо спросила себя старая женщина. - Станешь отрывать от дел всех своих пятерых детей и шестнадцать внуков, чтобы убедиться, что беспокоиться не о чем, а у них будет повод лишний раз удостовериться, что их мать и бабушка превращается в надоедливую паникершу?

Надо просто сесть за стол и начать работать, писать - издатель ждет очередной роман, она и так задержала его на десять дней, нехорошо! У профессии писательницы триллеров и детективов есть свои издержки. В известном смысле это даже

весьма опасное ремесло, потому что автору начинают казаться подозрительными не только ночные шаги за дверью, но и собственные мысли. Да и вообще все происходящее вокруг. Ей ли не знать, что из любого пустяка можно раздуть ужасающую историю!

Родные теперь смеются над 84-летней Мэри и ее эксцентричной подозрительностью, но они не понимают, что именно умение задать вопрос «*а что, если...*» позволило ей стать тем, кем она стала.

А что, если с самолетом дочери что-нибудь случится, и **Кэррол** не долетит до Лондона? А что, если бойфренд ее домработницы **Клары** на самом деле - тот самый убийца троих детей, которого ищет сейчас манхэттенская полиция? Судя по фотографиям в газетах, он очень даже похож... А что, если в роддоме подменили сына ее младшей дочери **Пэт** и они вырастят чужого мальчика с плохой наследственностью?

Пусть это нескромно, но ей до сих пор лестно и до невозможности приятно читать, что она, Мэри Хиггинс Кларк, является на сегодняшний день королевой детектива, что ее можно поставить в один ряд с **Агатой Кристи**! Родные и знакомые никогда не верили в нее, все смеялись, повторяя, что наивная упряmica Мэри играет в новый рассказ, как девочка в новую куклу; ну и пускай себе играет, пока жизнь ей это позволяет. Но она продолжала свою игру и тогда, когда жизнь поставила ей шах и мат.

На стене в ее рабочем кабинете висит вставленное в рамочку письмо, оно гласит: «*Ваш рассказ «Зайцем» принят и очень понравился. Ваш гонорар - сто долларов*». Это самое долгожданное письмо, которое она получала в своей жизни. Через какие пропасти мрачной безнадежности пришлось пройти, прежде чем дожидаться этого лаконичного послания! А что, если оно так никогда и не пришло бы?

Десятки лет Мэри будет вспоминать случай, который потом ляжет в основу одного из ее триллеров: плохо одетая пожилая женщина с мертвенно-бледным лицом вцепилась в самолетное кресло. «*Она просто боится летать*», - решила Мэри и, присев рядом с дамой, стала развлекать ее милым светским щебетом: их же учили относиться к пассажирам как к своим дорогим гостям.

- *Вы летите повидаться с детьми, мэм?*

- *У меня их больше нет. Я убила свою дочь, но суд меня оправдал.*

Мэри отшатнулась, услышав ответ, но дама и не собиралась продолжать; зато стюардесса всю дорогу до Праги постоянно забывала просьбы пассажиров и все старалась угадать, что за леденящая трагедия могла разыграться в семье этой женщины с изрезанным морщинами непроницаемым лицом.

...Она вспомнит об этой истории, сидя пару лет спустя в нью-йоркском университете на спецкурсе по мастерству написания рассказов. Мистер **Уильям Байрон Моури** учил их писать о том, что они хорошо знают, как, например, Мэри знала работу стюардессы.

Метод мистера Моури оказался чрезвычайно эффективен, и даже сейчас Мэри Хиггинс Кларк, став королевой детективного жанра, по-прежнему им пользуется. Вы берете знакомую жизненную тему и развиваете ее в рассказе, поставив себе вопрос: «*А что, если...*» А что, если пассажирка с непроницаемым лицом узнала, что это не ее дочь? А что, если дочь этой пассажирки напала на мать и та защищалась? А что, если мать убила дочь случайно, потому что пистолет выстрелил неожиданно?

Блестящий способ. Жаль только, что миссис Хиггинс Кларк с возрастом все чаще применяет его в реальной жизни, доводя близких до белого каления. А тогда юная Мэри была просто в восторге, принесла на суд своему мужу **Уоррену Кларку** два первых рассказа, написанных новым методом.

- *Гениально, дорогая, - заключил Уоррен.*

Он всегда так говорил.

Я стану писателем! Когда вырасту...

Всю первую половину жизни у Мэри было ощущение, что она борется то ли с богом, то ли с дьяволом, желающим поставить ее на место. А где, собственно, место женщины, родившейся в далеком 1927 году, 24 декабря, в Бронксе (Нью-Йорк) в семье небогатых ирландских эмигрантов-католиков? На кухне? В детской? В этом были уверены ее мать, сестры матери, бабушки - все поколения женщин в их роду.

Но Мэри словно принадлежала к другому племени. Ей было лет 10, когда кто-то из взрослых заметил: писателями бывают только мужчины, на что Мэри не моргнув глазом ответила: *«Так я им и стану, когда вырасту»*.

Рыжеволосая худющая девчонка верховодила и старшим братом, и младшим; в саду их небольшого дома она заставляла их разыгрывать сценки и целые спектакли по ее историям, которые начала сочинять лет с шести. Младший, Джон, все хотел быть в этих спектаклях звездой, но Мэри авторитетно объясняла: мол, напиши свой рассказ - тогда и будешь звездой, а пока она сама играет главные роли, даже мальчиков.

Рассказы множились в тетрадках Мэри с огромной скоростью; любые события, происходившие вокруг, фиксировались на их страницах. По воскресеньям в доме Хиггинсов или в ирландском пабе напротив, который держал ее отец **Люк**, обычно собиралось неисчислимое количество родственников - тетки, дядя, кузены, кузины; они предавались бесконечным воспоминаниям, переминали косточки кому только можно; во время этих посиделок дети обычно играли в саду.

Но только не Мэри - голубоглазая егоза всегда вертелась среди взрослых и мотала на ус каждое слово. Даже сейчас, когда Мэри за восемьдесят, она может легко припомнить, почему так и не вышла замуж любимая сестра матери - тетка **Агнес**; ее жених, некий **Билл Банер**, дал матери обет жениться только после ее смерти, и... *«угадайте, кто умер первым?»* - вопрошала юная Мэри в одном из своих ранних рассказов. - *«И еще угадайте, кто потом навещал мать этого Билла в доме для умалишенных?»*

В 16 лет Мэри уже казалось, что она снаряжена житейским и писательским опытом, словно доверху набитая барахлом телега, которую бедная лошадь не может сдвинуть с места. Разве могло сравниться ее знание жизни с житейским опытом наставниц из католической школы, где Мэри училась? Она только фыркала, слушая поучения сестер.

Те, например, объясняли воспитанницам: когда молодой человек берет вас за руку, о-о-о... тут следует быть очень осторожной. Девчонки, наострив уши, мечтательно вздыхали. Следует быть очень осторожной, потому что на пальцах молодого человека могут оказаться микробы: необходимо немедленно посетить ванную комнату после того, как он коснулся вашей руки. Мэри умирала от смеха: уж она-то могла бы порассказать, наслушавшись болтовни своих тетушек, что бывает после неосторожных прикосновений!

Мэри было всего двенадцать, когда внезапно умер отец, и на девочку обрушилось мучительное чувство сиротства, к которому вскоре примешалось унижение. Матери с детьми пришлось перебраться из собственного просторного домика с садом в тесную чужую квартирку, расположенную над магазином дешевого тряпья, откуда доносились крики, отвратная музыка и вонь от вечно подгоравшего мяса. Сюда было стыдно приглашать друзей.

Мать, еще недавно беззаботно делавшая покупки на Пятой авеню, теперь ходила по соседям, упрасывая взять ее нянькой, - Люк не оставил сбережений.

Посмотри, Мэри, у него в глазах смерть!

А всего через год после смерти отца заболел ее старший брат **Джозеф** - порезал пятку металлической пластиной и заразился остеомиелитом. Ему сделали шестнадцать операций!

До сих пор Мэри может без усилий воспроизвести в памяти крошечную медлабораторию на окраине Бронкса, заполненную устрашающими инструментами, иглами и шприцами, тошнотворный запах лекарств и нашатыря, который ей всякий раз подносили, пока она мужественно сдавала для брата кровь - не меньше пяти или шести раз. Врач сообщил, что брату отнимут ногу, иначе он умрет.

Мэри заливалась слезами от жалости и страха за брата, от переживаний заболела тяжелым воспалением легких и чуть не умерла сама. Родственники все как один испуганно охнули, когда **Нора Хиггинс** внезапно приняла решение: пусть сын лучше умрет, но не останется калекой. Не сговариваясь, мать и дочь каждый вечер теперь ходили в приходскую церковь с чуть покосившейся колокольной и по несколько часов молились за Джозефа.

Парень был обречен умереть, а он взял и выздоровел, даже научился ходить без палочки... только лишь для того, чтобы в 1944 году, записавшись в армию в 19 лет, умереть от спинного менингита в учебном бараке.

Мэри никогда не забудет, как мать долго всматривалась в фотокарточку Джозефа, которую он успел прислать с учений: юный светлоглазый красавец в форме морского офицера. И вдруг прозвучали поразившие дочь слова матери: *«Посмотри, Мэри, у него в глазах смерть!»*

Откуда мать черпала силу? Возможно, у них это генетическое, по женской линии. Мужчины все умирали рано, а женщины отличались исключительной выносливостью - Нора Хиггинс дожила в полном здравии до 90 лет и дождалась правнуков. Сейчас уже и сама Мэри приближается к ее возрасту.

Тогда, похоронив любимого сына, Нора не забыла, что у нее осталось еще двое детей, которым необходима мать. Через две недели после похорон бедного Джозефа у Мэри был выпускной вечер в колледже, и Нора на этот день сняла траур, надела свое лучшее сиреневое платье с крупными цветами, сделала прическу, накрыла стол, созвала всю родню и друзей Мэри, улыбалась, шутила, поднимала тосты и даже танцевала. У дочери должен быть праздник, несмотря ни на что. И праздник получился.

Все это потом вошло в рассказы Мэри - подслушанный той ночью даже не плач, а вой матери, когда ушли гости; словно оживающий под играющими солнечными лучами портрет брата в гостиной, когда Мэри казалось, что Джо улыбается; вечная перебранка пахнущих луком жильцов-супругов, которым мать от безденежья сдала спальню дочери.

У вас, барышня, кругозор не дальше собственного носа

Все, что Мэри видела и слышала, она честно вписывала в рассказы, но все ее творения - и *«Дайте любви шанс»*, *«С чувством своей вины»*, и другие - журналы с обидной регулярностью безо всяких комментариев возвращали обратно. Однажды какой-то сердобольный редактор сподобился черкнуть пару слов на отосланном обратно экземпляре рассказа: *«У вас, барышня, слишком ограниченный кругозор, не дальше собственного носа»*.

Мэри проглотила обиду, но про себя задиристо подумала: *«Ты еще обо мне услышишь!»* Кстати, интересно, услышали ли о ней наконец все ее бывшие редакторы, столь упорно дававшие девчонке от ворот поворот? Усовестились ли, что так терзали ее самолюбие и проглядели талант?

В университет учиться идти было не на что, да Мэри и так понимала: надо зарабатывать, чтобы как-то поддержать семью. В какой-то момент ее взяли на работу телефонисткой, дорога шла сплошь мимо дорогих магазинов, и Мэри обожала заглядываться на витрины, представляя, какие наряды будет себе покупать, когда наконец станет известной писательницей.

Удивительно, до чего упрямой она оказалась девчонкой! Откуда взялась уверенность в том, что у нее талант? Слава богу, она и представить себе тогда не могла, какие препятствия ей придется преодолевать.

Работая телефонисткой, Мэри нашла для себя полезную и приятную отдушину: забывая про все на свете, она подключалась, например, к разговору постоялицы **Джинджер Бейт**, часами болтавшей со своими поклонниками, и с наслаждением подслушивала, временами записывая в блокнот особенно впечатлившие ее места.

До сих пор Мэри Хиггинс Кларк хранит в старых коробках на чердаке своего дома тетрадку с записью подслушанных разговоров мистера **Теннесси Уильямса**, снимавшего самую дешевую комнату в их отеле - менее чем за доллар в день; разговоры были нудными до зубного скрежета - где раздобыть денег и как подешевле пообедать. Тогда еще ничто не предвещало, каким великим писателем станет впоследствии их постоялец.

Эти диалоги из жизни прямоком переключивались в рассказы Мэри, но, увы, по-прежнему не вызывали энтузиазма ни у кого, кроме самого автора.

Как становятся стюардессами

...«Как же дьявольски жарко было в Калькутте!» Эта случайно услышанная фраза, оброненная подружкой подружки - **Кэти Майлс**, служившей стюардессой, внезапно изменила жизнь Мэри. Воображение бешено заработало. Пальмы. Обезьяны. Полуголые темнокожие люди в чалмах. Многорукие богини, похожие на танцовщиц... Калькутта, волшебное слово. Место, где ее ограниченный кругозор распахнется до размеров, несопоставимых со сплетнями, подслушанными в телефонной трубке.

Мэри подходила по всем требованиям: ей был 21 год - в стюардессы брали до 25; она весила не больше полагавшихся 120 фунтов, не носила очков, имела годичный опыт работы с людьми, но...

Черт, встряло одно-единственное «но»: для работы стюардессой на атлантическом направлении, которое выбрала Мэри, требовалось знание французского. После католической школы Мэри могла похвастаться лишь тем, что умела молиться по-французски, но это могло пригодиться на борту только в тех случаях, о которых пока не хотелось задумываться.

Дородная соседка с нижнего этажа, бывшая прислуга в одной французской семье, взялась учить Мэри за ленч в двух недешевых французских ресторанах Бронкса.

«Ты же должна знать их божественную кухню, милочка» - и Мэри два раза в неделю исправно платила за трюфели в сливочном соусе и бутылку бордо, а толстая педагогиня гнусавила с набитым ртом названия всех этих деликатесов. Потом оказалось, что на борту Мэри пригодилась только одна фраза, и ту она подхватила у пассажиров: *«Попробуйте проглотить это»* (тогда в самолетах кормили малосъедобной замороженной едой).

К счастью, экзамен по французскому языку принимал португалец, сам знавший на этом языке, как потом оказалось, всего три слова. Он остался весьма доволен тем, как покрасневшая от волнения Мэри, заглядывая в шпаргалку, старательно картавила: *«Пристегните ремни, мадам и месье»*.

Ты год летаешь, и мы поженимся!

За три дня до первого в жизни Мэри полета - во-первых, на самолете, во-вторых, за границу, в Лондон, - она внезапно получила предложение руки и сердца. Вот уж это было последнее, на что она рассчитывала и что собиралась делать в жизни в ближайшее время.

На робкие вопросы матери, не хочет ли дочь, как все девушки ее возраста, женского счастья, ребяташек (*«Вон уже все кузины и племянницы повыскакивали замуж!»*), Мэри досадливо отмахивалась: *«Не входит в мои планы, мам»*. Она будет знаменитой писательницей, а не домохозяйкой!

Уоррен Кларк был сыном соседей и дружил с братьями Мэри; высокий, крупный, с благородными чертами лица, на девять лет ее старше, он всегда казался Мэри надежной скалой. Ей запомнилось, как в тот день, когда умер отец и его гроб стоял в гостиной на первом этаже, она все боялась войти в дом, гудящий от горестной разноголосицы родных и соседей; дрожа от холода в тоненьком платьишке, девочка стояла во дворе. И тут откуда-то из темноты возник Уоррен и молча накинул на нее свою куртку, словно укрыл и оградил от горя.

...Честно говоря, Мэри вообще-то часто заглядывалась на Уоррена, тайком вздыхая, что он не про нее, - ведь парень гуляет со взрослыми барышнями. А тогда, перед ее первым в жизни полетом, мать по-соседски пригласила семейство Кларк на ужин.

Мэри была так взвинчена предстоящей переменой судьбы, что даже толком не рассмотрела в зеркале, как элегантно выглядит в новом модном платье с тонюсенькой талией в рюмочку и пышной юбкой. Уоррен, сидевший напротив нее, сосредоточенно писал на салфетке какие-то имена. За чаем они оказались рядом.

- *Что это?* - спросила Мэри, кивнув на салфетку.

- *Имена тех, кто придет на свадьбу.*

- *На какую свадьбу?* - удивилась Мэри.

- *На нашу,* - невозмутимо ответил он. - *Ты год летаешь, удовлетворишь свою страсть, а на будущее Рождество мы поженимся. В Рождество люди гораздо щедрее.*

Возможно, Мэри ничему уже в тот день не удивлялась, потому что все мысли были заняты предстоящим полетом, а может, как ей потом всю жизнь казалось, она в самом деле всегда знала, что им с Уорреном суждено пожениться. Уоррен же впоследствии говорил, что, увидев ее в тот день в пышном голубом платье, сияющую, красивую, просто узнал в ней будущую жену.

Надавить вам на живот?

Мэри в самом деле летала год, и весь этот год - в Париже, Лондоне, Цюрихе, Праге - на всех остановках и пересадках ее ждали письма от Уоррена. Ему одному она доверила три десятка заветных тетрадок со своими рассказами - на всякий случай. Будущим стюардессам еще во время учебы втолковывали: в случае непредвиденной посадки на воду они обязаны *«беспечным ласковым тоном хозяйки салона»* до последней секунды убеждать пассажиров, что *«ничего страшного не произошло, беспокоиться совершенно не о чем»*.

Как поняла Мэри, беспокоиться и в самом деле будет совершенно не о чем, потому что самолет не может без роковых последствий совершить такую посадку. Но в свои 22 года она абсолютно ничего не боялась.

Если не считать того, что на заднем ряду за пять часов до посадки в Амстердаме женщина вдруг вздумала рожать, а Мэри в свое время как раз пропустила занятия по первой акушерской помощи! Формально авиабилеты продавались дамам до шести месяцев беременности, а в реальности - даже тем, кто на сносях.

Все сидевшие вокруг пассажиры закрыли глаза и отрешились от криков несчастной роженицы, предоставив стюардессе самой решать проблему. Женщина истошно вопила, скрючившись в кресле, а до смерти перепуганная Мэри сидела на корточках в проходе и молилась про себя почему-то по-французски. Только бы ребенок не вышел здесь, только бы не здесь... Ведь она не знает, как перерезать пуповину, она читала, что животные перегрызают ее, но что делать ей? На всякий случай взять тупой обеденный нож? А вдруг он грязный? А вдруг она случайно убьет ребенка?

- *Может быть, мэм, мне надавить вам на живот?* - пискнула Мэри.

Слава богу, женщина даже не расслышала ее идиотского предложения. Ребенок вышел в ту секунду, когда в приземлившийся самолет вбежал врач. Мэри за этот полет потеряла шесть фунтов. Перед отъездом она обегала весь Амстердам, чтобы найти на

английском инструкцию по первой акушерской помощи. Но этот незабываемый опыт больше не повторился.

С генами не поспоришь...

Уоррен Кларк и Мэри поженились ровно через год и поселились в маленьком домике в Нью-Джерси. Мэри не жалела о полетах, она ни на секунду не забывала, что это было всего лишь средство расширить писательский кругозор. В качестве «первенцев» Мэри пообещала мужу опубликованные рассказы, но ровно через два месяца после свадьбы утренний кофе неожиданно изменил свой вкус и показался ей тошнотворным.

С тех пор это случалось регулярно, до тех пор пока один за другим не появились на свет все пять их отпрысков - три дочери и два сына. Мэри и не подозревала, что в ней тоже дремлет традиционное ирландско-католическое чадолюбие предков! Она оглянуться не успела, как оказалась многодетной матерью, расплачивающейся чувством вины за каждую секунду, которую удавалось урвать для себя.

Тем не менее все обстояло тогда совсем не так плохо - Уоррен работал менеджером по продажам, Мэри могла себе позволить держать двух няnek, да еще им регулярно помогали обе бабушки...

Несколько лет спустя такая жизнь покажется Мэри настоящим раем.

Отличные рассказы, но давай теперь их сожжем

Собственно, тогда у нее к богу имелась всего одна привычная претензия: почему на ее письменном столе стремительно набирает высоту пачка отказов из всех возможных журналов, куда Мэри посылает свои творения? Двадцать отказов, двадцать пять, тридцать пять, сорок пять, пятьдесят...

Уоррен, смеясь, предлагал жене войти со своими отказами в Книгу рекордов Гиннеса - тогда она точно прославится. Когда цифра достигла шестидесяти, Мэри расстроилась всерьез. Неужели она пишет так чудовищно, и ее кругозор по-прежнему не шире, чем у курицы? Мистер Моури похвалил ведь ее рассказ о мальчишке из Чехословакии «Зайцем»...

До сих пор миссис Хиггинс Кларк недоумевает: почему же через двадцать лет этот же рассказ вошел в десятку лучших современных американских рассказов? Словом, на цифре шестьдесят Мэри решила поставить точку в своей так и не начавшейся писательской карьере. Ею владело чувство глубокой обиды и несправедливости.

Уоррен, его брат **Аллан** с женой **Джун**, ее брат **Джон** с женой **Юлией**, мать Мэри и даже свекровь в течение трех праздничных дней были вынуждены из любви к ней изображать благодарных слушателей от завтрака до ужина с получасовым перерывом.

Мэри читала им вслух все, что написала за свою тридцатилетнюю жизнь. Так она прощалась со своим «хобби», как оскорбительно для нее называли ее увлечение родные.

- *Отличные рассказы, я просто «наслаждался, но давай теперь это сожжем, сестричка,* - с нескрываемым облегчением предложил Джон, когда Мэри закрыла последнюю тетрадку и членам семьи было наконец позволено оторвать затекшие зады от стульев.

- *Давай,* - мужественно согласилась Мэри, поняв, что, видимо, этот вечер - кульминация ее писательской карьеры и заслуженного читательского признания. С видом мученицы она смотрела, как Джон подносит к зажженному камину несколько тетрадок... Внезапно почувствовав дурноту, Мэри побледнела, покачнулась и упала в обморок.

Я выбираю платье, потому что...

Честное слово, она больше не писала. Она держалась от своих тетрадок подальше и мучилась, как алкоголик, давший зарок завязать с выпивкой. В один из таких черных дней ноги занесли ее в один из магазинов одежды. Чтобы поддержать бизнес, хозяева придумали забавный конкурс. В витрине висели четыре роскошных коктейльных платья с вошедшей тогда в моду кринолиновой юбкой до середины икры - Живанши, Шанель, Диора и бог знает кого еще.

Условие конкурса состояло в том, чтобы дописать предложение, начинающееся «*Я выбираю такое-то платье, потому что...*» небольшим количеством слов. Той, чей ответ признают лучшим, получит платье в подарок. Мэри взяла бланк и написала первую попавшуюся банальность, которая пришла ей в голову:

- Я выбираю «Живанши», потому что у меня пятеро маленьких детей и уже давно я не чувствовала себя неотразимой. Я уверена, что в этом платье стану неотразимой тройне.

Через неделю раздался телефонный звонок, и Мэри сообщили, что она выиграла конкурс!

-Сегодня я получила первое наглядное подтверждение своего писательского таланта! - саркастически написала Мэри в дневнике, который продолжала по привычке вести.

Вскоре платье вышло из моды, Мэри с сожалением запаковала единственное доказательство своего дара в коробку и спрятала на чердаке. Годы спустя ее 12-летняя дочь Мэрилин извлекла его с чердака и вместе с остроконечной шляпой надела на Хэллоуин. Ее костюм получил приз...

Мэри никому не призналась, что, выиграв платье, она, презирая себя, сунула в конверт свой рассказ «Зайцем» и отправила его в новый журнал, разумеется, ожидая через пару недель получить рукопись обратно.

Босыми ногами по адскому пеклу

Но ей придется надолго о ней забыть, потому что неожиданно в роковое воскресенье 1964 года 36-ти лет отроду и, имея на руках детей от трех до двенадцати лет, она стала вдовой.

Уоррен месяц назад пережил тяжелый инфаркт. После того как он вышел из больницы, Мэри уже казалось, что муж идет на поправку; в последнее утро своей жизни он попросил на завтрак свой любимый омлет со шпинатом и помидорами.

В ту неделю у них гостила миссис Кларк, и Мэри с первого этажа слышала надрывный крик свекрови. Когда она примчалась в комнату, чуть не переломав ноги о разбросанные повсюду игрушки, перед ней предстала душераздирающая картина: на пергаментном лице Уоррена с остекленевшим взглядом застыло выражение какого-то мучительного усилия, на его груди, раскинув руки, лежала миссис Кларк.

Это не был обморок, как до последнего надеялась Мэри, лихорадочно растирая ей виски, пока ехал врач. Уоррен скорее всего умер прямо на глазах у матери, и у той тут же случился разрыв сердца...

- Стать вдовой после четырнадцати лет счастливой жизни - все равно, что ступить босыми ногами по адскому пеклу, - написала Мэри в дневнике.

После смерти мужа в ее жизни все смешалось, и по большей части в ней преобладал хаос. Уоррен не оставил сбережений, надо было как-то выживать. К счастью, подруга Мэри - Лиз помогла устроиться в радиокompанию, где надо было писать минисценарии для 4-минутных радиошоу. Мэри была уверена, что ее не возьмут: разве она умеет писать? Но ее взяли.

Крутящаяся в колесе белка делала меньше телодвижений, чем теперь приходилось совершать Мэри. Целый день в офисе, с девяти до шести, три раза в неделю - запись ее программы. Одновременно она строчила сценарии, отвечала на вопросы, подгоняла, редактировала. Господи, как же она устала за много лет от одного и того же! Впихнуть несколько общеизвестных банальностей в формулировки типа: «*Вы все знаете этого выдающегося имярек. Я вам подскажу: он стал первым в истории, кто...*» Ради этих сведений приходилось перелопачивать тонны книг и газетных вырезок, задыхаясь от пыли в библиотеке.

Ваш рассказ принят и очень понравился. Гонорар - сто долларов

Вернувшийся из журнала Extention конверт сразу отправился в помойное ведро. Усталая, раздраженная Мэри даже не захотела его открыть. Зачем поздравлять себя с 61-м отказом? Это даже не круглая цифра. Однако ночью она внезапно вскочила и спустилась вниз на кухню, к помойному ведру, решительно запустила туда руку и отыскала конверт. Он был почему-то гораздо тоньше обычного. Они что, забыли вложить в него возвращенный экземпляр рассказа? «*Ваш рассказ «Зайцем» принят и очень понравился. Гонорар - сто долларов*».

Сколько раз надо прочесть эти слова, чтобы понять их смысл? Дети, проспавшие школу, нашли мать спящей на кухне, ее голова в бигуди покоилась на желтом конверте. Старшей Кэрол в первый момент пришло в голову, что они лишились и матери тоже, поэтому Мэри очнулась от отчаянного гвалта и воплей перепутанных детей. Надрылся телефон - звонили с работы. Лиз, обеспокоенная отсутствием подруги, уже бежала по дорожке к их дому.

Сколько лет Мэри ждала этого события - чтобы ее рассказ приняли к публикации? Приблизительно двадцать лет. За это время можно было растерять весь энтузиазм. Одному богу известно, почему после первой публикации те же самые рассказы Мэри Хиггинс Кларк, которые до этого упорно отвергались, журналы стали охотно принимать.

Видимо, судьба писателей вершится на небесах, а не в редакторских кабинетах. Отныне вопрос для Мэри стоял иначе: раз уж она все-таки писатель, то, скажите на милость, когда же ей теперь писать? Ведь пятерых детей, себя и мать не прокормишь на нерегулярные стодолларовые гонорары. А литературный агент - теперь у Мэри появилась наконец агент Патрисия - уговаривала написать роман: большая форма гораздо лучше продается.

Собачья жизнь

... - *Мэри, подойдите, пожалуйста к зеркалу, -* голос начальника Тэвистока звучал отнюдь не дружелюбно. - *Вы не замечаете ничего странного?*

Мэри, недоуменно пожав плечами, воззрилась на собственное отражение. У нее выросли усы? А может, хвост? На нее смотрела понурая, усталая, всклокоченная женщина. Не худо бы достать расческу, и Мэри начала руками поправлять волосы.

- *Да это ладно!* - махнул рукой начальник. - *У вас блузка надета наизнанку, вы не замечаете? А вчера вы пришли, извините, в чулках разного цвета.*

Мэри замерла от ужаса. Господи, голубая кофточка в самом деле надета наизнанку и к тому же заляпана кофейными пятнами! Да что же с ней творится! Вот почему последнее время коллеги как-то неловко отнекивались, придумывая разные предлоги, чтобы не ходить с ней вместе на ленч в соседнюю китайскую забегаловку: им, наверное, стыдно появиться рядом с ней.

Да она просто дошла до ручки! Боже, как же неловко! Интересно, почему ее до сих пор не уволили? Начальнику не станешь объяснять, что у тебя собачья жизнь, потому что

с 16 лет тебя маниакально преследует желание стать успешным и продаваемым писателем, а не сочинять всю жизнь мини-серии под копирку.

Что из этого следует в ее случае? А то, что единственное время, которое Мэри смогла выкроить для писательства, - с половины пятого до половины седьмого утра каждый день, включая выходные. Это единственные часы, которые принадлежат ей. Потом надо поднимать детей в школу.

Переделав по дому все дела, она ложилась около полуночи, и звонок будильника вырывал ее из таких немислимых глубин сна, что казалось - лучше вообще никогда больше не просыпаться. Но она с закрытыми глазами вставала, ополаскивала лицо холодной водой до тех пор, пока не понимала, на каком она свете. На ощупь брела до кухни, вслепую ставила на огонь турку с кофе, водружала на стол тяжеленную пишущую машинку...

Кто бы выдержал три года этого изматывающего ада? Но Мэри грела мысль, что она продаст роман, прославится, получит кучу денег и сможет наконец уйти с работы. В день, когда она торжественно напечатала на последней странице рукописи слово «конец», Мэри заснула за рулем по дороге в супермаркет, устроив аварию нескольких машин.

Всерьез пострадала только она сама: несколько переломов, сотрясение мозга. Больница, плачущее лицо матери, притихшие испуганные дети... Кое-как Мэри выкарабкалась и дала себе окончательное «честное слово» - если роман не будет продаваться, она бросит писать.

И мать, и подружки давно твердят ей, что следует, пока не поздно, устроить личную жизнь, найти мужа, а она даже не смотрит в сторону мужчин, да и на нее не особо заглядываются - последние годы она похожа на огородное пугало.

Это не ваша тема!!!

... - *Нельзя так перевозбуждать пациентку, мистер Моури,* - медсестра покачала головой. - *У нее серьезная депрессия с элементами ажитации, ей совсем нельзя волноваться.*

Похожий на эльфа Моуэри сердито затряс головой: он не терпел этих белохалатников, пичкающих лекарствами людей, нуждающихся всего лишь в толике понимания. Его бывшая студентка с курса по мастерству написания рассказа Мэри Хиггинс Кларк оказалась в санаторном отделении психиатрической клиники вскоре после того, как оправилась от аварии.

Причина в том, что ее первый роман о семействе Вашингтон никак не продавался - за три месяца ушло где-то пятнадцать экземпляров. Эта книга поглотила все ее жизненные силы, всю ее веру в себя и весь оптимизм. Материнского чувства долга, связанного с воспитанием пятерых детей, оказалось недостаточно, чтобы заставить организм и психику Мэри воспрянуть и вести прежний образ жизни.

- *Мэри, скажите мне, что вы любили читать в детстве?* - не отставал от нее Моури. - *Ну-ка вспоминайте хорошенько!*

- *Агату Кристи, Джозефину Тей, Шарлотту Армстронг, Джона Макдональда,* - начала она старательно перечислять слабым, едва слышным голосом.

- *Стоп!* - вскричал Моури. - *смотрите, кого вы назвали: это сплошь авторы саспенса и детективов. Вот что вам надо писать самой! Как вас угораздило ухлопать столько сил и три года жизни на роман о Вашингтоне?! Это не ваша тема! А теперь послушайте.*

Моуэри полез в портфель, извлек оттуда газету и стал громко зачитывать последнее взбудоражившее американцев происшествие: некую молодую мать Элис Криммине обвинили в преднамеренном убийстве своих двоих малолетних детей.

- *А теперь задайте себе вопрос: «А что, если...» - и вы с вашим талантом напишете роман, который мгновенно сметут с прилавков.*

У Мэри, напоминавшей ссохшуюся восковую куклу, загорелись глаза, ей тут же вспомнилась авиапассажирка с длинным лицом, убившая свою дочь, и как она сама всю дорогу гадала, что могло к этому привести. Как же она раньше не догадалась, о чем ей следует писать? Умница, Моури!

Наутро дочь Мэри - **Мэрилин**, уже учившаяся в колледже, притащила в больницу громоздкую пишущую машинку. А через два дня внезапно выздоровевшую пациентку, которая с неизвестно откуда взявшимися энергией и энтузиазмом колотила по клавишам днем и ночью, поспешили выдворить домой.

Иногда человек необъяснимым образом знает будущее, и это оказался тот самый случай: на сей раз Мэри была абсолютно, стопроцентно уверена, что ее первый роман-триллер *«Дети не вернутся»* ждет успех. При этом было совершенно ясно, что вставать в полпятого утра, чтобы писать, а потом бежать на работу, она больше не может.

И тогда Мэри, ни с кем не советуясь, взяла в банке кредит, чтобы содержать семью, пока не продаст роман. В ее ситуации это был не просто смелый поступок, а отчаянный. Пожилая мать Нора, родственники и подруги - все предостерегали, ругали, ахали, ужасались и крутили пальцем у виска. Нора Хиггинс шепталась с соседками, что, увы, дочка после всех жизненных передрыг немножко того, тронулась.

Успех с опозданием в тридцать лет

4 апреля 1974 года в комнате Мэри раздался исторический телефонный звонок.

- *Мэри*, - вкрадчиво сказала ее литературный агент **Пэт**, - *прямо не знаю, с чего начать...*

- *Начинай с самого плохого*, - подбодрила Мэри, чувствуя, как у нее от волнения сводит желудок

- *Simon and Schuster предлагают за твой роман десять тысяч долларов*, - пауза, - *a Dell Publishing хочет купить его за сто тысяч!!!*

Случилось то, что должно было случиться. Мэри знала, что так будет, еще в шестнадцать лет. Но что же делать, если она стала знаменитой только в сорок шесть!

Дальше все пошло так, как обычно идет у успешного, набирающего обороты писателя: заказы на новые книги, растущие тиражи и соответственно гонорары. Через два года свой следующий триллер *«Взгляд в темноте»* Хиггинс Кларк продала уже за полтора миллиона; а последние годы - она может этим гордиться - ей платят за книгу 12 миллионов, что, между прочим, равняется гонорару за фильм голливудской звезды **Деми Мур**.

Колесо фортуны вертится...

В 1978 году Мэри сделала несусветную глупость, выйдя замуж за адвоката с четырьмя детьми **Раймонда Плоетца**. Слишком долго Мэри была одна, да она никогда и не умела разбираться в мужчинах. Этот велеречивый и самодовольный господин вздумал запретить ей работать, то есть писать! Мол, дорогая женушка, ты уже всего добились в жизни, теперь отдыхай.

А Мэри в свои пятьдесят лет ощущала себя резвой молодой лошадкой, которую только что выпустили на бега, она полна задора и только набирает скорость... Именно в это время - как ни подшучивали над ней ее взрослые дети - она сумела окончить университет и получить степень бакалавра: то, что не успела сделать в юности.

Зато с третьим мужем, бывшим президентом крупнейшего инвестиционного банка - **Джоном Конхини** Мэри живет до сих пор. Она вышла за него в шестьдесят восемь, он называет ее «красавицей» и «деточкой» и находит общий язык со всеми ее детьми и внуками.

Единственное, что действует ему на нервы, это знаменитый вопрос Мэри - *«а что, если...»*

- А что, если ты перестанешь задавать вопрос «а что, если?» - интересуется Джон.
- Тогда меня не станет, этот вопрос держит меня на плаву, - 84-летняя Мэри Хиггинс Кларк простодушно разводит руками и широко распахивает поблекшие голубые глаза.

Королева жанра

Тем временем, у миссис Кларк нет планов замедлять свою работу.

На сегодняшний день Мэри Кларк имеет уже 16 почетных докторских званий различных учебных заведений. Она выбрана президентом Американской ассоциации детективных писателей. В 2001 эта ассоциация учредила новую награду - награду имени Мэри Хиггинс Кларк, для тех писателей, чья творческая манера соответствует произведениям Королевы триллера.

Многие книги Мэри Хиггинс Кларк - экранизированы, несколько было выпущено совместно с дочерью **Кэрол Хиггинс Кларк**.

- Люди спрашивают: «Вы все еще пишете?», и я думаю «А почему бы и нет?» У меня нет никаких хобби кроме друзей и театра. Я не люблю длительные обеды. Я буду всегда писать. Но день, когда я перестану выпускать книги, будет днем, когда я перестану рассказывать хорошие истории.

Благодарные читатели не устают писать позитивные отзывы. Приведу только несколько интернет - комментариев в качестве примера.

edik_m:

«*«Две девочки в голубом» - великолепный детектив, где преступник неизвестен до самого конца».*

natkhav:

«*«Любит музыку, любит танцевать» - это произведение было первым, которое я прочитала у Мэри Хиггинс Кларк. После него сразу скачала все, что были к тому времени. Они оказались еще лучше!*

«*Взгляд в темноте» - отличный подарок тем, кто исповедует мировоззрение самостоятельной женщины во враждебном мире. Мэри Кларк скорее «женская» писательница.*

Мужчинам нюансы атмосферы, созданной описаниями бутиков, горячего кофе по утрам, пробежек по Центральному парку и желтых такси Манхэттена, которые служат фоном ее произведений, не понять и ими не увлечься. А без восхищения этими нюансами произведения писательницы можно рассматривать в таком плоском аспекте, как «средненький триллер» (именно такие оценки я слышала от многих мужчин).

У Мэри Хиггинс Кларк главное - другое: динамичный сюжет, умение донести до читателя переживания героини (главные герои ее произведений - неизменно барышни за тридцать) и, конечно, всегда счастливый финал!

В книгах «*Ты обратилась в лунный свет*», «*На улице, где ты живёшь*», «*Молчаливая ночь*» очень хорошо передана атмосфера. Реально бежит мороз по коже - это при том, что нет никаких описаний кровавых мерзостей и анатомических подробностей.

Все детективы Хиггинс Кларк - очень интересные. Я сначала думала, что это автор исключительно слезливых мелодрам, с описанием постельных сцен, охами-вздохами и т.д. На деле оказалось, что в ее произведениях очень сильна детективная линия, а героинями, как правило, являются деловые женщины. Все остальное тоже очень достойно».

Fatina1:

«*Почему-то в России Мэри Кларк не получила пока большой известности. А ведь она пишет очень увлекательно! Титул Королевы жанра в США она носит заслуженно.*

Это классические детективы-загадки, читаются с удовольствием. До конца книги непонятно, кто преступник. Сейчас уже так никто не пишет, увы».

маматаха77:

«Я в восторге от ее детективов. Читаются на одном дыхании!»

CLOCK о книге *«Притворись, что не видишь ее»:*

«Поражает целомудренность героев Кларк. А вообще - классический приятный саспенс. Все и всё комильфо, кроме убийцы, конечно. Хотя и он, как правило, привлекателен и изящен».

Cricket о триллере: *«Не плачь, моя леди»*

«Замечательно! Завидую тем, кто еще не читал ничего у этой писательницы».

Мэри Хиггинс Кларк детям и внукам завещала должным образом продолжать ее наследие после смерти.

- Я проинструктировала их, чтобы они положили большой спиральный блокнот, несколько ручек и стакан вина в гроб, - говорит она, - и они сделают это.

В конце 2012 года Мэри Кларк планирует выпустить детскую книгу и рождественский детектив.

Литература:

1. Детектив. Признание в любви: Сайт Мэри Хиггинс Кларк// <http://www.loveread.ec/biography-author.php?author=Mary-Higgins-Clark>
2. Лу П. Мэри Хиггинс Кларк: Приговор в белом конверте/ Пэгги Лу// Караван историй. - 2012.- №6.- Стр. 179 -193.
3. Кларк Мэри Хиггинс. Книги, биография// Электронная библиотека **ModernLib.Ru**// <http://www.modernlib.ru/>
4. Мэри Хиггинс Кларк// http://www.reeed.ru/lib/authors/meri_higgins_klark/
5. Мэри Хиггинс Кларк // http://www.modernlib.ru/books/klark_meri_higgins/
6. Мэри Хиггинс Кларк. Биография. Либрусек// <http://lib.rus.ec/a/17751>
7. Она написала убийство: Мэри Хиггинс Кларк// http://women-online.ru/blog/ona_napisala_ubijstvo_mehri_khiggins_klark/2011-04-04-406